
pocket**book**

НАСТОЯЩИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Собрание лучших историй

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
НЗ2

Перевод с английского

Художественное оформление *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
с обложки журнала «Le Petit Journal», 1893 г.

НЗ2 Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй : [повести, рассказы : перевод с английского]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с.

ISBN 978-5-699-98001-7

В эпоху расцвета английского детектива с заслуженными корифеями жанра У. Коллинзом, А. Конан Дойлом и Г. Честертоном успешно соперничали ничуть не менее популярные в то время авторы — Эрнест Хорнунг, Остин Фримен, Макдоннел Бодкин, Эдгар Уоллес, Гай Бутби.

Непревзойденные мастера расследований и сыска, знаменитые Шерлок Холмс и отец Браун, а также их современники и коллеги — обаятельный Пол Бек, неразлучные Раффлс и Банни, наблюдательный доктор Торндайк и другие — в сборнике лучших классических детективных рассказов.

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

- © Савельев К., перевод на русский язык, 2017
- © Скороденко В., перевод на русский язык, 2017
- © Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2017
- © Патрикеев А., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98001-7

Уилки Коллинз

(1824–1889)

ПРИЗРАК ДЖОНА ДЖАГО, ИЛИ ЖИВОЙ ПОКОЙНИК

Глава 1 БОЛЬНОЙ

— Сердце в порядке, — сказал врач. — Легкие — Стоже. Органических заболеваний не нахожу. Не волнуйтесь, Филип Лефрэнк, смерть вам пока не грозит. Недуг, поразивший вас, — переутомление. Лучшее лекарство от него — отдых.

Дело происходило в Лондоне, в моей адвокатской конторе; за врачом послали после того, как полчаса назад я перепугал клерка, прямо за письменным столом потеряв сознание. Не смею без лишней на то нужды задерживать внимание читателя на своей особе, но, полагаю, обязан пояснить, что занимаю должность младшего барристера¹ и весьма загружен работой. Родом я с острова Джерси², из семьи с французскими корнями, свидетельством чему является наша фамилия, переделанная на английский лад много поколений тому назад. Семейство мое, надо сказать, исстари

¹ Б а р р и с т е р — адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде; младший барристер — младший из двух адвокатов одной из сторон. (*Прим. пер.*)

² Д ж е р с и — самый крупный из Нормандских островов в Ла-Манше, находится всего в 21 км от Франции. (*Прим. пер.*)

привыкло считать, что лучше острова Джерси на земле места нет. И по сей день всякое упоминание обо мне как о члене английской адвокатской коллегии вызывает неизбывную досаду у моего отца.

— Отдых? — повторил я вслед за моим врачом-лечем. — А известно ли вам, дорогой друг, что идет сессия? Судебные заседания в разгаре! Видите, сколько дел скопилось у меня на столе? В моем случае отдых — это крах!

— А работа, — спокойно заметил врач, — это смерть.

Я внимательно посмотрел на него. Нет, не похоже, чтобы он собирался просто припугнуть меня: лицо его сохраняло совершенно серьезное выражение.

— Это всего лишь вопрос времени, — продолжил врач. — У вас крепкий организм, вы молоды, но вам больше нельзя до такой степени перегружать себя. Вот мой совет: уезжайте немедленно. Вернейшее средство восстановить силы — морской воздух. Нет-нет, я не собираюсь вам ничего прописывать. Более того, я отказываюсь вас пользоваться. Прощайте.

С этими словами мой друг-доктор откланялся. Но я был упрям: в тот же день я отправился в суд.

Там главный адвокат обратился ко мне за сведениями, предоставить ему которые входило в мои обязанности. К своему ужасу и изумлению, я обнаружил, что совершенно не способен собраться с мыслями: все факты и даты смешались у меня в голове. Потрясенный этим, я позволил отвезти себя домой. На другой день, вернув все свои дела поверенным моих клиентов, я, следуя совету врача, первым же пароходом отправился в Нью-Йорк.

Путешествие в Америку я предпочел всем иным странствиям, поскольку много лет тому назад один

из родственников моей матери уехал в Соединенные Штаты и вполне преуспел там на ниве земледелия. Он не раз приглашал меня к себе. Вот я и подумал, что долгое бездействие под названием «отдых», к которому приговорила меня медицина, нельзя провести приятнее, чем исполнив родственный долг и попутно посмотрев на Америку. После недолгого пребывания в Нью-Йорке я отправился поездом к мистеру Айзеку Мидоукрофту, в имение под названием Морвик-фарм.

Должен вам заметить, что Америка поразила меня на редкость величественной красотой природы, но, по контрасту, в некоторых штатах попадались и самые монотонные, однообразные и неинтересные для проезжающего виды. Местность, где располагалась ферма мистера Мидоукрофта, относилась как раз к последней категории, так что, выйдя из вагона на станции Морвик, я огляделся и сказал себе: «Если исцелиться в моем случае означает попасть в наискучнейшее место на земле, что ж, я не мог выбрать лучше».

Теперь, когда я вспоминаю эти слова, то расцениваю их — и вы вскоре в этом со мной согласитесь — как суждение в высшей степени поспешное и поверхностное, поскольку мне не было дано предвидеть, какие неожиданности могут таить время и случай.

Старший сын мистера Мидоукрофта, Эмброуз, встречал меня на станции.

Во внешности Эмброуза Мидоукрофта не было ничего, что позволило бы предугадать странные и ужасные события, разразившиеся вскоре после моего приезда. Видный, пышущий здоровьем парень, каких тысячи, сказал:

— Здравствуйте, мистер Лефрэнк. Рад вас видеть, сэр. Усаживайтесь в коляску, а за чемоданом вашим присмотрят.

Я отвечал со столь же приличествующей случаю вежливостью:

— Благодарю. Все ли благополучно дома? — и мы отправились в путь.

Наша дорожная беседа началась было с обсуждения вопросов сельского хозяйства, но не успели мы преодолеть и десяти ярдов пути, как я выказал полное невежество и в земледелии, и в животноводстве. Эмброуз Мидоукрофт попытался найти более подходящую тему для разговора, однако не преуспел в этом. Тут за дело взялся я и для начала осведомился, удачное ли время выбрал для визита. Бесстрастное загорелое лицо молодого фермера на глазах оживилось. Видимо, я случайно затронул предмет, волнующий его.

— Лучше быть не может, сэр, — сказал он. — Никогда в нашем доме не было так весело, как теперь.

— У вас еще кто-то гостит?

— Не то чтобы гостит, сэр. Это, видите ли, новый член семьи, который приехал жить с нами.

— Новый член семьи? И могу я спросить, кто же это?

Прежде чем ответить, Эмброуз Мидоукрофт помолчал, потрогал кнутом лошадь, с какой-то робостью на меня поглядел и наконец выпалил самым простодушным образом:

— Это девушка, сэр, и милее ее вы в жизни не видали!

— Вот как? Подруга вашей сестры, я полагаю?

— Подруга? Господь с вами, сэр! Это наша маленькая американская кузина, Нейоми Коулбрук.

Я смутно помнил, что младшая сестра мистера Мидоукрофта когда-то вышла замуж за американца, занятого в торговле, и много лет тому назад умерла, оставив единственное дитя. Теперь я узнал, что

и отец также умер, перед кончиной препоручив беззащитную дочь попечению морвикских родственников своей покойной жены.

— Он все время спекулировал, — продолжил Эмброуз, — хватался то за одно, то за другое, но ничего не добился. Того, что он оставил после себя, едва хватило на похороны. Мой отец опасался немного перед ее приездом, как эта племянница себя покажет. Видите ли, сэр, мы — англичане и хотя и живем в Соединенных Штатах, все-таки крепко держимся нашего английского уклада. В общем, могу вам признаться, мы не слишком одобряем американских женщин, но, когда Нейоми приехала, она нас всех покорила. Такая девушка! Сразу повела себя как родная. В неделю выучилась помогать в коровнике. Я вам даже больше скажу: двух месяцев не прошло, как она здесь, а мы уж и представить себе не можем, как без нее обходились!

Разговорившись о Нейоми Коулбрук, Эмброуз до самого дома, не умолкая, не менял темы. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, какие чувства вызвала в нем его кузина. Восторг молодого человека в легкой форме заразил и меня. Так что, когда мы, уже к ночи, подкатили к воротам дома, я с некоторым даже возбуждением предвкушал знакомство с Нейоми Коулбрук.

Глава 2

НОВЫЕ ЛИЦА

Немедленно по приезде я был представлен мистеру Мидоукрофту, главе семейства.

За последние годы старик одряхлел; хронический ревматизм приковал его к инвалидной коляске. При-

нял он меня любезно, хотя выглядел утомленным. Его незамужняя сестра — сам он вдовел уже много лет — сидела в той же комнате, она ухаживала за братом. Это была меланхолического склада, средних лет женщина, лишенная всяких следов внешней привлекательности. Похоже, она принадлежала к той породе людей, которые живут как бы против воли, словно жизнь — тяжкая обязанность, бремя, коего они никогда бы не приняли, спроси их об этом заранее. Обмениваясь вопросами и ответами, мы провели несколько отчаянно скучных минут в неудобной гостиной, а затем меня отпустили наверх, в отведенную мне комнату, распаковать чемодан.

— Ужин в девять часов, сэр, — сказала мне вслед мисс Мидоукрофт, произнеся эту фразу так, словно «ужин» — нечто вроде домашней пытки, причем мужчины, по заведенному обычаю, выступают палачами, а женщины — покорными жертвами. Не слишком обрадованный первыми впечатлениями от дома, я последовал за слугой.

Пока что — ни Нейоми, ни романтики.

Комната моя оказалась опрятной — и до такой степени, что это действовало уже угнетающе. Я просто возжаждал увидеть хоть пылинку. Выбор книг ограничивался Библией и молитвенником. Из окна открывался вид на утомительно плоскую, кое-где возделанную равнину, да и та печально меркла в сгущающихся сумерках. Над изголовьем девственно-белой постели был прибит свиток, на котором кричащими черно-красными буквами была написана мрачная цитата из Святого Писания. И в комнате сразу ощутилось угнетающее присутствие мисс Мидоукрофт; пахло тленом. Настроение мое еще более упало. Ужина оставалось ждать довольно дол-

го. Я зажег свечи и достал из чемодана книгу, которой, в этом я твердо уверен, привелось стать первым французским романом, появившимся под этим кровом. Это была одна из очаровательных, мастерски написанных историй Дюма-отца, так что через пять минут я очутился совсем в другом мире, и унылую комнату наполнили звуки оживленной французской речи. Властный, непререкаемый удар колокола вернул меня к действительности. Я посмотрел на часы. Девять.

Эмброуз встретил меня у подножия лестницы и сопровождал в столовую.

Во главе стола помещался мистер Мидоукрофт в инвалидной коляске. По правую руку от хозяина сидела его суровая, молчаливая сестра. С медлительной торжественностью призрака она указала мне на пустующее место по левую руку от главы семейства. В это время в столовую вошел Сайлас Мидоукрофт, и Эмброуз нас познакомил. Я отметил сильное сходство между братьями, хотя старший был и выше ростом, и представительнее. Но в чертах лиц недоставало характера, оставалась некая недоговоренность. Я решил, что эти люди не выявили своих свойств, и — как добрые, так и дурные — они ждали подходящего часа и обстоятельств, чтобы проявить их в полной мере.

Я все еще разглядывал братьев. И их внешность, должен честно признаться, не слишком расположила меня в их пользу, когда дверь снова растворилась и еще один домочадец вступил в столовую, незамедлительно завладев моим вниманием.

Это был мужчина — невысокий, худощавый, жилистый и удивительно бледный для деревенского жителя, чья жизнь протекает на свежем воздухе. Кро-

ме того, его лицо и по другой причине производило сильное впечатление. Нижняя часть его скрывалась под густой черной бородой и усами — и это во времена, когда было принято бриться и бороды в Америке встречались до чрезвычайности редко. Что же до верхней, то на ней горели блестящие карие глаза, исступленное выражение которых навело меня на мысль о психической неуравновешенности их владельца. Хотя все, что этот человек говорил и делал, было, на мой сторонний взгляд, вполне здраво, что-то в бешеном блеске его глаз заставляло думать, что в обстоятельствах необычайных или же в состоянии крайнего утомления даже людей, хорошо его знающих, он способен поразить действиями либо неожиданно жестокими, либо удивительно глупыми. «Немного сдвинутый» — этим широко распространенным выражением я определил свои впечатления от человека, появившегося в гостинной.

Мистер Мидоукрофт-старший, до того не пророчивший ни слова, сам представил мне вновь прибывшего. При этом он бросил на сыновей взгляд, в котором читалось нечто вроде вызова, — и этот взгляд, отметил я с огорчением, был возвращен ему сыновьями той же монетой.

— Филип Лефрэнк, хочу представить вам моего управляющего, мистера Джаго, — произнес старик, по всей форме представляя нас друг другу. — Джон, а это мой молодой родственник по линии жены, мистер Лефрэнк. Он не вполне здоров и пересек океан, чтобы отдохнуть и переменить образ жизни. Филип, мистер Джаго — американец. Я надеюсь, у вас нет предубеждения против американцев? Подружитесь с ним. Садитесь рядом. — Он окинул сыновей тяжелым взглядом, и те снова ответили ему тем же.

Они подчеркнуто отстранились, когда мистер Джаго прошел мимо, чтобы занять свое место подле меня, и перешли по другую сторону стола. Было ясно, что бородатый пользуется благорасположением старика и то ли за это, то ли по какой-то другой причине они ненавидят его всем сердцем.

Дверь снова отворилась. К компании присоединилась некая молодая леди.

Неужели Нейоми Коулбрук? Я взглянул на Эмброуза и прочел ответ на его лице. Нейоми Коулбрук, наконец-то!

Я сразу решил, что она хорошенькая и, сколько можно судить по внешности, славная. Чтобы дать о ней общее представление, скажу, что у нее была маленькая, аккуратно посаженная головка, яркие серые глаза, взор прямой и честный. Фигурка — элегантная и хрупкая, даже слишком хрупкая по нашим английским понятиям о красоте. Сильный американский выговор, но редкое в Америке достоинство — приятно звучащий голос примирил мое английское ухо с ее акцентом. Наше первое впечатление о людях есть, в девяти случаях из десяти, верное. Нейоми Коулбрук понравилась мне с первого взгляда, понравились ее приятная улыбка, сердечное пожатие руки, когда нас познакомили. «Если я полажу с кем-либо в этом доме, — подумал я, — то уж с тобой — непременно».

На сей раз мое пророчество оправдалось. В удушающе-враждебной атмосфере Морвик-фарм мы с хорошенькой американкой с начала до конца оставались подлинными друзьями.

Эмброуз отодвинул свой стул так, чтобы Нейоми смогла занять место между ним и его братом. Она слегка порозовела и, усаживаясь, посмотрела на него

с нежным укором. Подозреваю, что под покровом скатерти молодой фермер пожал ей руку.

Ужин был не из веселых. Только мы с Нейоми оживленно переговаривались через стол.

По какой-то неведомой мне причине Джона Джаго, казалось, смущало присутствие его молоденькой соотечественницы. Он нерешительно поднимал на нее глаза, а потом, хмурясь, опускал их в тарелку. Когда я обращался к нему, он отвечал принужденным тоном. Даже беседуя с мистером Мидоукрофтом, он держался напряженно, и, судя по направлению его взглядов, настороженность эта относилась к двум братьям: он словно ждал от них какого-либо подвоха. Когда мы приступили к еде, я обратил внимание, что левая рука Сайласа перевязана, а позже заметил, что блуждающий взор карих глаз Джона Джаго, украдкой оглядывающего всех присутствующих за столом по очереди, с особым, циничным выражением останавливается на пораненной руке младшего из братьев.

Мое чувство неловкости, естественное для человека, впервые попавшего в дом, усугубилось, когда я обнаружил, что отец и сыновья обмениваются мнениями не напрямую, а через посредство мистера Джаго и мое. Так, когда мистер Мидоукрофт со злорадством рассказывал своему управляющему о какой-то давней ошибке в распоряжении пахотными землями, его глаза недвусмысленно указывали на объект его уничижительной критики — а именно на сыновей. Когда же сыновья, с недобрый смехом подхватив мое брошенное вскользь и самое общее замечание о животных в целом, перевели разговор на конкретную неудачу в содержании коров, то они при этом в упор глядели на Джона Джаго. В подобных случаях — а они возникали то и дело — в разговор решительно вступа-

ла Нейоми, умело направляя его в безопасное русло. И всякий раз, когда она таким образом сохраняла за столом мир, меланхолическая мисс Мидоукрофт кисло оглядывала ее, явно, но молчаливо порицая за вмешательство. В жизни своей не сидел я в семейном кругу более безрадостном и разобщенном. На мой взгляд, зависть, ненависть, злорадство и жестокосердие производят впечатление самое отвратительное, именно когда прячутся под завесой приличий. Если бы не мой интерес к Нейоми и ее отношениям с Эмброузом — время от времени я перехватывал их мимолетные нежные взоры, — никогда бы мне не высидеть этот ужин: я предпочел бы ему свой французский роман.

Наконец невыносимо долгая, напоказ изобильная трапеза подошла к концу. Мисс Мидоукрофт поднялась со своего места и все с той же торжественной медлительностью призрака отпустила мне мои грехи со словами:

— Мы тут на ферме ложимся рано, мистер Лефрэнк, желаю вам доброй ночи. — И, возложив свои костлявые руки на спинку коляски мистера Мидоукрофта, она на полуслове пресекла его обращенные ко мне прощальные речи и покатила в спальню так, словно это был прямой путь к могиле.

— Вы сейчас собираетесь в свою комнату, сэр? Если нет, смею ли предложить вам сигару? С позволения молодых джентльменов, разумеется?

Таким вот образом, с болезненным тщанием подбирая слова и сардонически-косым взглядом сопроводив ссылку на «молодых джентльменов», мистер Джаго выполнил свой долг гостеприимства. Извинившись, я отказался от сигары, и обладатель неестественно горящих глаз нарочито любезно пожелал мне спокойной ночи и покинул столовую.